

Земля удаганок

Ариадна Борисова

У звезд холодные пальцы

«Азбука»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борисова А. В.

У звезд холодные пальцы / А. В. Борисова — «Азбука»,
2016 — (Земля удаганок)

ISBN 978-5-389-33236-2

С тех пор как в Осень Бури главный жрец Сандал принес в юрту Манихая и Лахсы новорожденную девочку, прошло без малого десять весен. Назвали ее Илинэ, и выросла она светлолицой, бойкой, спорой в домашних делах на радость приемной матери. Но не было ни дня, чтобы Сандал не вспоминал о своем тяжком поступке. Разлучая Илинэ с ее настоящим отцом – воеводой Хорсуном, – жрец хотел наказать того за надменность. Он мстил не за себя, а за Белого Творца – так успокаивал себя Сандал бессонными ночами. А тем временем страшный странник вернулся в долину реки Элен, чтобы подготовить передел земного мира. И заметили его только равнодушные звезды.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33236-2

© Борисова А. В., 2016

© Азбука, 2016

Содержание

Всё знает эхо. Сказание третье	6
Домм первого вечера[1]. Идущий впереди	6
Домм второго вечера. Крылатая кобылица	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ариадна Борисова

У звезд холодные пальцы

© Борисова А., 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Всё знает эхо. Сказание третье

Домм первого вечера¹. Идущий впереди

В середине Голодного месяца драчливые ветра прежде срока пошатнули ледяные рога Быка Мороза, грозного мужа старухи Зимы. Вслед за первым рогом в Коновязь Времен почти сразу рухнул второй. Уходя раньше обычного, тающее чудовище взревело от обиды бесснежной вьюгой и насухо вылизало обнищавший наст. Лесные старики проснулись в берлогах, а земля почти вся уже черная. Люди заторопились к летним домам и пастбищам. Не передеешь на летники вовремя – скот потопчет сенокосные угодья возле зимних жилищ.

Еще в начале вскрытия рек Манихай пообещал жене проведать пастбище у озера Травянистого, починить стоящий там тордох. Обещать было не тяжко, но как теперь до дела донести, когда время ужалось впритык? Досада разбирала: помочь-то некому! Дома остались младший сын-калека Дьоллох и приемыши-недоростки – Атын с Илинэ.

С калымов, взятых за дочерей, семья разжилась шестью дойными коровами с приплодом, ездовым быком и табунком в двенадцать голов. Имели бы больше, однако случилось справиться калым старшему сыну. Он, как и дочери, жил далеко. Поехал однажды в гости к сестре Нюкэне и женился на тамошней девке, осел примаком в чужом роду. Манихай злился: не бывало такого допрежь, чтобы мужи покидали родной кров. Сыновьям полагается привозить жен из других родов в отчий дом, вести хозяйство и ублажать отработавших свое родителей... Ан нет, все теперь не по заветам отцов!

– Много детей – плохо, мало – тоже плохо. Много скота – плохо, мало – еще хуже, – вздыхал Манихай, разговаривая со своей ленью, будто с живым существом. – Смирись, покоришься, лучше труды, чем бедность...

Заведенная с утра Лахса едва рот раззявила, а ни слова сказать не успела: кликнув ребят, Манихай шмыгнул за дверь. Дорога перед быком словно сама поскакала вперед с горки на горку. Не прошло времени и полутора варок мяса, как за бугром показался двор над излучиной озера. С опаской глянул хозяин – ну как совсем развалился тордох? И от души отлегло: стоит, бедолажка!

Растянулся Манихай на лежанке, не снимая дохи, и немедленно захрапел. Лахсы здесь нет, некому жужжать над ухом, а дырья из стен никуда не сбегут, все равно придется латать. Только б лень, отдохнув, отступила перед неминуемой трудовой неволей...

Пока глава семейства хозяйничал во сне, ребята надрали в лесу кору для тордоха, загрузили сани дровяным сухостоем, чтобы не порожняком домой возвращаться. Быстро время бежит, если работа в охотку. Не заметили приближения вечера, починяя жилье. Лишь тут из дверей вылетел ошалелый Манихай со скособоченным от спешки ртом. Продрав заспанные глаза, оглядел чисто убранный двор, полные хвороста сани. Почесал всклокоченный затылок и вздохом-стоном огласил окрестности. Удивление, вину, благодарность, а пуще того – безмерное облегчение вместили в себя этот протяжный вздох.

– О-ох, молодцы! Не знал, что совсем взрослые вы у меня. Ну, стало быть, к дому!

Едва ли не втрое длиннее показался умаявшимся ребятам обратный путь. Волдыри на руках огнем возгорелись, по спинам прокатывалась знобкая дрожь. Манихай в прекрасном расположении духа восседал верхом на быке. Не понукал скотину и помощников не подгонял. Блаженно озираясь вокруг, любовался весенней землей и веселую песенку насвистывал,

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

на радость горному эху. Недаром говорят: человек саха как примостится на бычьем хребте – певец!

А и было чем любоваться, отчего напевать! Почки верб распушились ярко-желтой пыльцой, на склонах холмов задымились ворошки подснежников, словно непутевые ветра в мелкие ключья изорвали здесь зазевавшуюся тучку. Однако подумалось, что нынче цветов взошло небогато. В прошлую-то весну сами холмы казались облаками из-за цыплячьего пуха бутонов. Плохую примету ворожит Молочный месяц. Видать, засушливым годом решил отомстить Бык Мороза торопкой весне.

Манихай решил размять кости неспешной ходьбой и слез с быка. Не мешало нагулять к ужину приятную усталость в теле и здоровое желание еды. Почему бы ребят не порадовать какой-нибудь историей? Заслужили! Вроде бы притомились и еле ступают, а глаза-то вон как порскают по сторонам, примечая весенние новости. Юным – что, с их рук водяные мозольки вместе с грязью слезают.

Языком трепать – не лопатой махать, а рассказчик Манихай неплохой, в отца Торуласа, умельца сказывать байки о ботурах да волшебниках. Отец, между прочим, и сам обладал волшебным подспорьем – имел духа-хранителя, бестелесного двойника. Может, об этом поведать ребятам?

– Ты, Дьоллох, просил рассказать о дедушке Торуласе, – начал Манихай, и дети придвинулись ближе. – Был он не простым человеком. Помнится, перед тем как ему с охоты вернуться, со двора доносился свист – любил отец насвистывать песенки себе под нос.

– Как ты, – засмеялся Дьоллох.

– Разве? – удивился Манихай. – Ну так вот, слушайте дальше. Матушка котелок к огню подвешивала и говорила: «Недалеко хозяин – мясу доспеть». Я возражал: «Явился уже», торопился дверь отворить, а во дворе пусто. Матушка, бывало, лишь улыбнется хитро. А только сготовится мясо – отец тут как тут. Заходит, весь увешанный зайцами, большой и белый, точно ходячий сугроб!

– Это дед свист вперед гонцом отправлял? А как?

– Не спеши, Дьоллох. – Манихай отогнал от себя видение жарко дымящегося мяса, сглотнул слюнки. – Скоро ложка мелькает в руках голодного, а добрая история горячки не любит... Мне тогда, как и тебе, шибко хотелось выведать, как свист отца опережает. А матушка брови хмурила за его спиной: помалкивай! Я и молчал поначалу. Но любопытство хуже гнуса зудело, сил не достало терпеть. Принудил я матушку открыть секрет. «Первым знаки подает Идущий впереди, – обмолвилась она. Оглянувшись сторожко и строго-настроено предупредила: – Никому не проболтайся, не то братец обидится и покинет нашего старика!»

– Что за братец?

– Ну, теперь-то можно сказать. Незримый дух, данный человеку богами для отвода несчастий. Непросто понять, друг он или стражник, хозяин или слуга... Позже матушка уверяла: по всему сдается, что боги тут ни при чем. Это-де и впрямь братец-близнец, застрявший между мирами. А жить-то любому охота, потому нерожденный приходит к земному брату на выручку и помощью этой живет. Впереди идет потому, что боится на Орто ненароком увязнуть душою, оставить свое одинокое тело в ином бытии.

– Совсем-совсем не видно его?

– Насколько известно, двойник может показаться во плоти в злую пору.

– Брату или другому?

– Э-э, так и будете вопросы задавать? Рассказать не успею до дому, – рассердился Манихай.

С укором толкая друг друга локтями, ребята примолкли.

– Чего с отцом ни приключалось – все как с ящерки хвост, сойдет скверное, и жив-здоров. Дрался на войне с гилэтами – ни царापинки не получил. Попал к барлорам в полон – ускольз-

нуть изловчился. Заблудил волчий ветер, от которого никто не уходит! Было еще, лодка в бурю перевернулась на середине реки, и все, кто в ней сидел, потонули, а отец вдруг мель ногами достал. Словно по мосткам развернутым на берег вышел пешком. Потом люди проверили – не оказалось там никакой мели. Не зря молва толкует о тех, кто отмечен подарком богов: «Этот трижды сгинет и трижды воскреснет!»

– Разве так можно – умереть и ожить?

Манихай отмахнулся, продолжил дальше:

– А как-то, помню, побился отец об заклад, что из любых пут освободится. В лесу привязали его спорщики к дереву. Сами домой вернулись, уселись за стол. Обсасывая гусиные лопатки, гадали на косточках: развяжется ли до ночи? И тут человек зашел в низко надвинутой шапке, молвил с обидой: «Что ж меня-то с обедом не подождали?» Смотрят приятели – а это он, Торулас!

Шлепнув быка по употевшему крупу, Манихай аж крякнул в досаде:

– Эх, жаль, выиграл-то всего ничего – старую клячу! Надо честно признать, Дьоллох: твой дед меры разумной не знал в расточительстве. Ведь мог бы запросто добрую телку взять, вдобавок лосиные шкуры на лодку, котел с мясом доверху...

– И долго двойник ему подсоблял? – осмелился перебить Дьоллох, уводя отца от излюбленных рассуждений.

– Всю жизнь. До той беды, которую даже он, верный хранитель, не сумел отвадить. Однажды на празднике Новой весны отец на целых три легенды опередил приезжего сказочника и посмеялся над ним: дескать, что ж ты, любезный, издалече тащил свой невеликий запас в наш богатый лабаз? Лихо-то и приспело: оказался соперник черным шаманом. А дразнить такого, все знают, равно что руку в жилую берлогу совать... Затаил чародей на отца лютую злобу. Подкараулил его за углом юрты и метнул в голову острый топор. Ткнулся отец в стену, пригвожденный, и остался стоять с раскрытым черепом.

Ладони Илинэ вспорхнули ко рту.

– Помер!

Взбурдаженные мальчишки забежали на шаг вперед, словечко боясь пропустить. Манихай ухмыльнулся:

– Вот и нет! Подбежал шаман выдернуть топор, а убиенный обернулся живехонек да как расхохочется ему в лицо! Помчался злодей прочь, сам полумертвый от страха. После, поди-ка, смекнул, что угодил не в человека. Раскусил колдовским разуменьем: не иначе есть у Торуласа Идущий впереди. Наш дед топал как раз за спиной духа-спасителя, даже испугаться не успел. Услыхал смех двойника, приметил сиганувшую в сторону тень и споткнулся о топор, будто слетевший с неба. Рассмотрев хорошенько, понял, кто покушался на его жизнь. Черень был приметный, с кривизной, у нас-то исстари прямые стругают... Созвал тогдашний старейшина малый сход, кликнули чужого сказителя. Делать нечего, признал свою вещь хозяин. Сказал, что нарочно мимо кинул. Хотел якобы попугать. Аймачные не поверили и топор не вернули, оставили отцу на память. Велели ему впредь хвастать меньше – сам накликал. Чужака изгнали, да разве кто шаману указ? Прошли две весны, а на третий год в Месяц водяных духов, в красное полнолуние, поднялся во дворе дикий вой и визг. Мы с матушкой в угол забились, тоже давай орать с перепугу. Отец схватил памятный топор – и на улицу. Глядь: вертится на тропинке метельный столб, да так прытко – глазам больно смотреть. Сам узкий, как коновязь, а сверху чародейская башка вращается и вопит истошно. Влево отец – столб влево, вправо отец – столб за ним. Пришлось швырнуть в него топором.

– Попал?!

– А то, – горделиво выпрямился Манихай. – Должно быть, шамана оберегали заклятья от чужого оружия, а от своего остеречься не догадался. Замертво рухнул у крыльца. Вонзилось лезвие точнехонько в черное сердце... Отец аймачных вызвал, объяснил им, как все получи-

лось. Старшины распорядились поскорее схоронить лиходея, пока не сделался Йором – мертвым духом мести и зла. Зря не сожгли... Завязали ему рукава крест-накрест и положили в листовенничную колоду. Лишь рассвело, повез отец шаманское тело через Большую Реку подальше от Элен.

Затаив дыхание, дети тесно прильнули к Манихаю, присевшему на запятки заполненных дровами саней. Бык дернулся, не пожелал превозмочь натуги и встал.

– Уже после отцовской смерти матушка рассказала мне, что бедняге довелось пережить. Днем труп внезапно ожил и закопошился в колоде. Доколе было светло, удавалось беспокойного усмирить. Но вот стемнело, выехали сани на алас с одинокой сосной, и вылез мертвец! Слетел с саней наш старик. Бросил в воскресшего злыдня все тот же топор – посередь лица угодил. Нос напрочь, только ноздри в снегу мелькнули. А покамест шаман пытался рукава развязать и в поисках носа ногами шарил в сугробах, отец взлетел на сосну. Пуще вызверился неугомонный и ну расшатывать ствол, лбом колотить, зубами грызть, зверем рычать! Щепки в восемь сторон брызжут, на весь лес треск-хруст стоит. Сосна шатается, норовит отца наземь сбросить, а не может – вцепился клещом! В тряске и жути прошло какое-то время, луна к западу повернула. У отца руки замерзли, пальцы вот-вот сосульками зазвенят и отвалятся... Начал молиться богам, чтоб взяли душу раньше, чем мертвец до него доберется. И вдруг словно из-под земли еще кто-то показался внизу...

– Кто?!

– Он сам, Торулас! Держит в руках подобранный топор и смотрит вверх на него!.. Взмахнул топором и отсек шаману башку. Поскакало безголовое тело к колоде, внутрь послушно нырнуло. Дух-двойник повелел отцу отыскать оттяпанный нос, воткнуть на место и схоронить покойника. Молвил это – и сгинул, будто поблазнился. До утра жег отец костры и мерзлую почву для могилы копал, весь день искал в сугробах пропажу. Не нашел. Испугавшись наступления вечера, предал земле безносого.

Манихай, охая, встал и потянул упертого быка за прoderнутое в ноздрях кольцо. Тот повел на хозяина влажным оком и не спеша тронулся к близким взгорьям Крылатой Лощины.

– Что после-то было? – Дьоллох нетерпеливо дернул отца за рукав.

– После... э-э... летом пришли в долину тонготы, – проговорил Манихай, с трудом заставляя ноги передвигаться. – Сообщили, что к северу от Эрги-Эн объявилось проклятое место – алас с одинокой сосной, и кто-то там под землей воет страшным голосом, требуя вернуть то ли глаз, то ли нос, а если не отдадут – бедами грозит Элен... Отправился отец в лодке на левый берег. Мало не весь алас на коленях исползал и отыскал-таки в траве порядком истлевший нос. Потом колоду с покойником выкопал. Только открыл ее – ожившая башка вскочила на косицы, как на ножки, завизжала злобно. Но вернулась потеря – утих шаман, скопился на нос, довольный. И раздался шум-треск: кривая сосна выпрямилась. Глянул отец в колоду, а чародейская голова лежит уж гнилая, полная жирных червей... С той поры и захирел наш старик. Как ни упрашивали, легенды на праздниках больше не сказывал. Начал точить его сердечный недуг. С этой невзгодой и двойник не сумел справиться. Никому не под силу поменять больное сердце на здоровое, ни духам, ни даже богам.

Дьоллох открыл было рот для вопроса, но Манихай полагал, что сполна рассчитался за сегодняшнюю помощь, и опередил сына:

– Все, пострелята. Другую историю потом расскажу... если будет за что.

Тут и дом показался у мыса.

* * *

К переезду собирались снарядиться засветло, но к утру Лахса никак не могла добудиться Манихая. Уработался, видно, на летнике, едва приполз ввечеру. Проснулся сердитый, завор-

чал, что копылья в полозьях саней потрескались, могут не выдержать тяжести скарба и сокрушиться в дороге, да радуйся, если не в лужу. Прихватив бурдючок с кумысом, отправился с Дьоллохом к соседу, плотничающему по мелочи. Илинэ убежала к коровнику укладывать телят в камышовые корзины.

Еще давеча, сворачивая свою постель, Атын заметил втиснутую в углу между жердями берестяную завертку. Самое время вынуть, посмотреть, что там такое. Кто-то постарался сунуть комочек поглубже, пришлось расковырять мох в щели ножом. Береста раскрошилась в руках, и мальчик вскрикнул от изумления: в ладонь его лег маленький темный идол, чуть тронутый белесоватым налетом.

Атын встал у окна, с недоумением взгляделся в овальное тельце, хрупкое на вид, но довольно жесткое и костистое на ощупь. Ссохшаяся, сморщенная куколка напоминала одновременно птенца-голыша, гигантского паука, а больше всего – человечка. Уродца с пригнутой к груди головкой величиной с сосновую шишку. Во впадинках глазниц под покатым лбом виднелись плотно сомкнутые, чуть вдавленные веки. Руки как лучинки, кулачки прижаты к подбородку. Скрещенные лапки-ножки воздеты к животу в тонких волнах ребрышек. Умелец, смастеривший идола, умудрился даже пальчики на ножках изобразить, вплоть до мизинцев.

Для чего эта поделка, кому принадлежит? Из какого неведомого вещества сотворена? Ясно, не из глины, не из дерева. Похоже, составлена из косточек грызунов и обтянута тонко выделанной кожей, а после кожа крепко подсохла на человечке, пока в щели дожидался. Атын поднес его к носу: пахнет заплесневелой мышьиной шкуркой... Вот удивятся брат и сестренка! Правда, идолами нельзя играть. Но, может, это не идол?

Мальчик помедлил, не решаясь подойти к Лахсе, спросить у нее, откуда взялась чудная куколка.

Прошлой весной Манихай объяснил ему, что он не родной в этой семье. Атын пережил сообщение стойко и больше не называл Лахсу матерью. Теперь он старался обращаться к ней как можно реже, скучая по ее ласкам и стыдясь сам не зная чего. Но тут, взволнованный диковинной находкой и тем, что они с Лахсой дома одни, поддался порыву, подбежал и уткнулся ей в грудь:

– Матушка!

Лахса от неожиданности уронила на пол свернутый узел.

– Я... человечка... нашел в стене, – сбивчиво проговорил Атын, не поднимая головы.

В другое время Лахса бы возликовала, обняла любимого сына крепко-крепко. Ужели он ей не сын? Ну и что, что кузнецова женка носила его девять месяцев и вывела жить на Орто! А кто грудью вскармливал, кто растил-воспитывал, от болезней спасал, недосыпая ночей?!

Жгучая ревность донимала Лахсу с тех пор, когда она вдруг сердцем поняла, что близится время ухода сына к чужой женщине, палец о палец не ударившей ради него. Ломало и корежило от мысли о том, что Урана, благосклонно приняв готовое, примется вить в душе мальчика свое гнездо... И не будет в новой жизни Атына места Лахсе, станет она для него нянькой-кормилицей, чей долг довершен и оплачен сполна. А мальчику каково близких покидать, перебросившись, будто из одной страны в другую, колючим ветром Дилги? Чужая станет семья.

Ах, чужая!.. Слово, костью встающее в горле! Дьоллох заранее переживает, задает вопросы, на которые не тут же ответишь. Есть и его заслуга в том, что вырос приемыш правильным парнишкой. Илинэ все не может понять, почему Атын должен уйти. А разве он не любит брата и сестренку? Он и Манихай любит. Заботится о нем – глазам-то все видно! Прислонит, бывало, одеяло к горячему боку камелька и бежит скорее к вечно недужному главе семьи – укрыть, укутать теплом...

Обида Лахсы всколыхнулась горячей волной и отвалила мгновенно, уступая место внезапному страху. Узрев на ладони мальчика округлый серый скелетик, женщина обмерла. При-

слонилась к столбу, чтобы вслед за узлом самой на пол не пасть. В глазах потемнело, в ошалевшую голову ринулось воспоминание, умело вытравленное из памяти колдуньей Эмчитой.

Слепая знахарка вырезала «грыжу» Атына, когда ребенку исполнился год. Пошептала над ней и закрутила в кусок бересты. Наказала обкурить можжевельником, положить в турсучок тюктойе и закопать подальше от глаз.

Кто бы стал с обычной болячкой столько возиться? Чуткая ко всему недоговоренному, Лахса не зря заподозрила неладное. Принялась выпрашивать старуху и попыталась-таки на свою дурную башку, а лучше бы не ведала ни о чем. Мертвым зародышем-близнецом оказалось то, что все принимали за грыжу!

– Будешь проходить мимо дома Ураны, шагай задом наперед, тогда злых духов обманешь, – велела Эмчита. – Как закопаешь двойника, все мысли о нем постарайся чисто-начисто в голове стереть. Если сболтнешь кому – беду призовешь на сына кузнеца. А ты его любишь, вижу.

Потрясенная Лахса мимо ушей пропустила последнее, странное для слепой слово. Клятву дала рта не раскрывать об Атыновом братце. Добралась до дома, сунула плачущего ребенка в руки Нюкэне, а сама побежала в коровник, стора от ужаса и любопытства. Затаилась с зажженной лучиной за коровьим боком. Боясь прикоснуться, развернула бересту и долго разглядывала одеревенелую фигурку. Каждая морщинка, каждый изгиб темного тельца накрепко вжились в память, будто собственная голова послужила Лахсе тем тюктойе, о котором говорила Эмчита. Не было у Лахсы турсучка, потому до времени затолкала человечка куда-то. Даже можжевельником не обкурила, торопясь.

Язык зудел и жегся нещадно, словно вздулась на нем мозольная желвь, хоть ногтями дери или губы зашивай жильной ниткой. Кое-как Лахса скрепилась. Чтобы ненароком не выпалить тайну, додумалась камень в рот сунуть. Только на ночь его вынимала. Три дня немотствовала, немислимую пытку терпя. Манихай перепугался: пучит жена глаза, жалобной телкой мычит, а сама ни полслова. Едва до обморока не довел расспросами. Зато, проснувшись на третий день, затарахтела женщина без умолку. С утра до вечера язык с наслаждением скребся о нёбо, но о странном покойничке и краешком не проговорился. Забыла о нем Лахса. Закопался Атынов двойник под ворохами ее мыслей, свернулся-затаился, как злой дух на дне турсучка.

Лишь сейчас осенило короткопамятную: должно быть, Эмчита что-то с ней сотворила, если и потом ни разу не вспомнился берестяной кокон, чреватый страшною куколкой. Слепая-слепая, а все видит, все чувствует зрячими пальцами... И надо же было не кому-то, а самому Атыну на братца наткнуться!

Мальчик опомнился и смущенно отстранился от Лахсы, но повторил:

– Магушка...

Они были вдвоем, некому глянуть с усмешкой, напомнить о чужой тетеньке Уране, родной его матери. Атын знал: Лахса не напомнит. Он видел Урану всего два раза, и то издали. Нисколько она ему не понравилась, хотя ходила в богато расшитой одежде, красивая, высокая и длиннокобая. Его Лахса, пусть толстая и низенькая – ростом он ее догнал, – все равно казалась лучше, потому что... потому что лучше, и все.

– Скажи, это идол?

Лахса медлила, не зная, чем бы тайну половчее прикрыть. Может, сказаться незнающей? Удивиться запоздало либо прикинуться занятой и пообещать, что позже объяснит? Но долго ли удастся тянуть с ответом? Не к ней, так к Манихаю пристанет настырный мальчишка. А муж непременно заинтересуется, примется кричать-воскликать, бегая и руками размахивая... Сам помчится всем показывать идола! Найдутся любители диковин, предложат поменять на что-нибудь, а Манихай и рад, приступит к торговле. Как же ему тут героем дня не побыть, коль такая удача выпала?! Любопытный народ набегит, начнется суматоха, посыплется всякие толки-догадки, весть об удивительной находке Атына разнесется болтливым ветром по всей

Элен... До Ураны скверные разговоры дойдут, до Эмчиты! Жрецы станут вещать недоброе, старейшина Силис Большой сход соберет!

– Матушка, ответь же, что это за человечек?

Страшные видения схода замельтешили было перед глазами Лахсы и втянулись обратно в мысли. Не успела прикусить вновь зачесавшийся язык, как вылетело в сердцах:

– Близнец твой!

Глаза Атына вспыхнули изумлением и радостью:

– Брат-близнец?! Значит, и у меня он есть?

– Стало быть, есть, раз в руке его держишь... С тобою пришел... застывший, неживой... помер еще в утробе... Никто, кроме меня, о нем не знает, и кузнецова семья ни сном ни духом не ведает... И не должна... Отдай, схороню в безопасном месте, – лихорадочно забормотала Лахса, протягивая к человечку дрожащие пальцы.

Мальчик попятился, убрал братца за спину:

– Сам спрячу. Пусть будет со мной. Не беспокойся, никому о нем не скажу. Даже Илинэ и Дьоллоху. Я знаю, о двойнике нельзя говорить, а то обидится и уйдет.

– Куда уйдет? – тупо спросила Лахса, покачиваясь на излете с простертой рукой.

– В иное бытие, откуда пришел Идущим впереди, чтобы меня защищать.

Пол наконец перестал колыхаться зыбучей трясиной под ногами Лахсы. Остановилась, осев на пятки. Смятенно вперилась взглядом в окно. Где мальчик набрался непонятных суждений? Ругала себя: вот как аукнулась нынче ее беспечность!

– Ладно, коли сам решил, так спрячь хорошенько, – дозволила, понимая, что не сможет отнять у Атына братца.

– Дай мне мешочек из-под кресала, – обрадовался сын. – Стану в нем близнеца носить.

– Ой, не надо, – затосковала Лахса. – Лучше бы в землю...

Атын не мог скрыть удивления:

– Зачем же?

Забывшись, обхватил широкий пояс Лахсы по-детски тонкими, но уже сильными руками, и она обняла подросткового сына.

– Кто же, как не брат, двойник мой, оберегать меня станет, когда я от тебя, матушка, в другую семью... вернусь? – прошептал мальчик, дрожа. Голос его прерывался от близких слез.

* * *

По дороге встретились с семейством старейшины, которое тоже переезжало на летник: младшие дети, сыновья, невестки, внуки-правнуки, дядьки-тетки, няньки, работники-приживалы, не имеющие собственного угла. Вот уж обоз так обоз, начало здесь, а конец за холмом! Что ж, для еды малая семья хороша, для труда – большая. У рыбных озер за холмами несколько принадлежащих роду угодий ждали своей очереди из лета в лето. Отстаивались, чтобы корни трав не слабели. Знать, подошло время здешнего летника, отгороженного от невеликого пастбища Манихая и Лахсы реденькой березовой рощей.

На передних санях каравана возвышались сложенные полотна разборных домов-урас, позади пыльно волоклись связанные концы крепких жердей для оснастки остовов. Берестяные дома имеют лишь состоятельные и работающие люди. О старейшине и его жене не зря говорят: «Возьмет Силис в руки палку – превращается палка в трость, возьмет Эдэринка в руки черепок – оборачивается черепок чашей».

Люди саха мастерят урасу так. Вначале заготавливают березовую кору в Месяце белых ночей, когда она легко отделяется от ствола. Потом долго кипятят ее в молоке. После выварки кора становится мягкой, гибкой и крепкой, как дубленая кожа, снаружи делается матово-серебристой, с испода цвета топленого масла. Сложив пластины вдвое, женщины сшивают девять

полотен. По каймам и срединной глади вырезают сквозные ряды нежных узоров, через которые выступает охристая основа нижних слоев. Прочный покров урасы, накинутый на собранный конусом остов, не протекает даже в сильные ливни. Узорная дверь выходит на восток, к восходу. Битый глиною нехитрый очаг выкладывается посередине. На перекладинах над ним закреплены крючья для подвешивания котлов, там же копятся мясо и рыба. Дым домашнего костра струится к отверстию наверху, куда утром заглядывает солнце, а ночью луна.

Едва ли не каждый год на летниках Силиса прибавлялось по урасе – старшие дети один за другим вили свои гнезда, и весело смотрелись в зелени белые островерхие дома!

– Умеют же люди умаслить богов и духов, – горько вздохнул Манихай и тут же заулыбался, приветственно замахал рукой:

– Есть новости?

– Есть, как не быть! – откликнулись-закивали словоохотливые старики-дядьки. Старейшина радостно крикнул Дьоллоху:

– У меня хорошая весть для тебя, потом расскажу!

Договорились с соседями принести Хозяйке Земли Алахчине и духам местности общую жертву в полдень на ничейной поляне у озера.

Лахса давно не встречала Эдэринку и поразилась ее нестареющему лицу. Правнуков женщина нянчит, а зубы все целы, и ни морщин на щеках, ни седины в толстухой косе! Лахса поневоле распрямилась, втянула живот. Дотошный глаз дальше скользнул, по младшим детям старейшины – близнецам и дочке-поскребышу. Чиргэл и Чэбдик в одинаковых рубахах и сами одинаковые, словно зазевался рассеянный Дилга и дважды отчеканил одно и то же лицо. Меньшую дочку Айану Эдэринка раздела как на праздник, в платьице с яркой вышивкой и белые ровдужные торбаза. Лахса представила такой наряд на Илинэ – вот бы славно смотрелось! Илинэ кудрявая, светлоликая, не то что смуглая и мелковатая Айана. Надо же, у таких-то крупных родителей дитя ростиком не вышло...

Впереди мелькнул старый тордох. Лахса издали увидела опрятные заплатки на стенах. Нечего стыдиться, честно постарался Манихай. Диву далась необычной скромности мужа. Ни словом вчера не обмолвился, как много довелось ему в этот раз потрудиться... Однако тут же и забыла о похвальном его усердии. Пока мимо проходило соседское стадо, супруги считали рогатые головы, путались и начинали снова. Готовые вцепиться друг другу в волосы, яростно спорили, сколько скота у старейшины, а после ругались просто по привычке.

– Посчастливилось Эдэринке выйти замуж за такого мудрого и работающего человека-мужчину, как Силис! – кричала Лахса. – А мне, бесталанной, достался никчемный лентяй, смекалистый на одни на отговорки!

– Такому молчуну, как Силис, несложно слыть мудрецом, – не оставался в долгу Манихай. – Повезло жениться на разумнице Эдэринке, а я, горемычный, встретил в жизни болтливую дуру бабу!

И точно бы повыдрали волосья друг другу, да вовремя осеклась Лахса, заметив, как у Илинэ от стыда разругались щеки и глаза стали на мокром месте. Проследив за взглядом жены, Манихай тотчас опомнился, хлопнул ладонью по ее широкой спине:

– Э-э, да что мы все полыхаем-бранимся, как елка с сосною в кострище? – Придвинулся, понюхал разгоряченную щеку оскорбленной супруги: – Ну-ну, не бывает того, чтоб имеющие ноги не спотыкались, владеющие языками не ссорились...

– Не желай, говорят, чужого, а то своего лишишься, – огрызнулась Лахса, словно уж в нее-то кипяток зависти и капель не брызнул.

– А я и не желаю. Охота была трудиться, не зная роздыху! Без того жизнь на Орто коротка.

– Ох и впрямь, – мирно усмехнулась, отгаивая, Лахса. – У самих в доме нежданный очаг и добрые духи-хранители, а о посторонних: «Эти лучше» – думаем... Так не стой же оглоблей,

Манихай, отпусти животных пасться, а я размещу пожитки да запалю огонь. Вот чего и даром бы не взяла у соседей!

Домашнего огня, зажженного предками рода, у других не просят и своим ни с кем не делятся. Обидеться может дух очага, краснолицый старец с пронзительным взглядом, а от его нрава-настроения зависит благополучие семьи. Посредник-огонь принимает и отсылает просьбы-молитвы богам и духам, дарит людям тепло и готовит еду. Весело слушать бойкую трескотню его бегущего по верх поленьев пламенного язычка. Правда, этой звонко трепещущей речи внемлют только шаманы да дети, еще не наученные говорить.

С малых весен мать втолковывает ребенку: «Не садись на шесток – это стол огня, и тем более не клади на него ноги. Разве кто-то слышал, чтобы человек сажа ноги на стол задира! Не бросай в очаг грязное – брезгливого духа стошнит на стену струей, дом вспыхнет! Не тычь в огонь острым: поранится хозяин-хранитель, изольется на пол горячими каплями. А то и вовсе изойдет жарким соком жизни, красным, как у человека, умрет от кровопотери».

Только если грянет беда и люди уйдут с насиженных мест, свободное пламя потухнет само, а в новом пристанище возгорится свежедобытое.

Лахса разожгла родовой огонь горящими угольями, привезенными из дома в горшке. Ублажила духа-хозяина кусочками вареного мяса. Потчуя остальных духов двора и жилища, не спеша пела каждому особую молитву. Торопиться в таком деле все равно что пытаться забрасывать в рот пищу черенком вместо ложки – мимо не попади!

Окропила свежей сметаной землю под коновязями. Опрыскала субратом² столбы в землянке и под коровьим навесом. Помазала топленным маслом испод столешницы и с особым усердием – потолок у трубы, где живет дух жилья Дербэ, помогающий содержать дом в порядке. Не выкажешь признательности – рассердится домовый, вселится в какого-нибудь теленка и, несмотря на колючий намордник, умудрится высасывать молоко у коров по ночам. Если впроголодь духа держать, что ему остается? Встанет наутро хозяйка, а у кормилиц ссадины на сосцах – соседка Дербэ поцарапал. Не скоро удастся задобрить капризного. Допрежь надо подкараулить одержимого им ночного телю, окурить можжевельным дымом, свежей травки ему принести.

А еще в жилье забираются отсюда-оттуда шаловливые бесенята. Этим озорникам Лахса подлила молока в маленькую мису, покрошила туда мяса и поставила слева у порога, чтобы не пакостили. Без угощения мелкая нечисть начнет путать тесемки торбазов и перепрыгивать вещи. Голодные проказники самовольно еду не возьмут, но могут наплевать в простоквашу, сделать ее клейкой, тягучей, так что и собаки нос воротят. Тогда приходится выливать испорченную снедь на задворках.

После ублажения домовиков пришла пора соседям развлечь подарками Эреке-джерэке³, деток Хозяйки Земли Алахчины. Собрались под старой березой, стоящей на пограничном мыске между двумя летниками. Ребята украсили пеструю веревку подвесками – шипастыми телячьими намордниками, игрушечными туесками и пучками конских волос. Обвили веселым нарядом ветви березы. Хозяйки расстелили белые шкуры, наставили мис и чаш со всем, что было вкусного. Перед трапезой Силис отбил низкие поклоны сторонам света и призвал здешних духов, кропя кумысом березовый комель и берег озера.

– С золотой пыльцой веснушек на веселом весеннем лице, Алахчина – Земли Хозяйка, приглашаем тебя к столу! Резвых деток возьми с собою, чтобы с нашими поиграли, угощенья вкусили вдосталь и порадовали алас! В гости к нам снизойди, дух места, госпожа в величавой шапке, в оборчатом платье с рисунком из теней и ярких лучей! Поднимайся, – зовем радушно, дух озера глубоководный, с серебристой узорной гривной на волнующейся груди!

² Субрат – молочнокислый напиток.

³ Эреке-джерэке – духи трав и цветов.

Люди подождали немного, предоставляя время невидимым духам удобно устроиться рядом, а когда это случилось, принялись за благодарственный обед.

Зависть Лахсы опять очнулась, едва не испортила настроение. Как ни гордилась своим суоратом, у соседки он оказался вкуснее...

Семь дней назад Лахса сварила суорат. Подвесила над костром во дворе большой котел, полный снятого молока, и целый день поглаживала ложкой мелко кипящую поверхность. Хитрость при этом была такая, чтобы огонь пылал несильно и молоко не бурлило. Потом чуть остуженную загустевшую массу заправила ядреной простоквашей. Разлила в берестяные ведра и как можно толще обернула их дохами, а сверху укутала сеном. Суорат получился изжелта-белый, плотный и гладкий, как взбитая в чистой воде меловая глина... А тут, глянь-ка, хитрая Эдэринка добавила в свой суорат свежие сливки! Ох и пышный же он у нее удался, раскатывающийся по языку ласковой молочной прохладой!

Силис сообщил Дьоллоху обещанную новость: из северных мест приехала в Элен знаменитая игрунья-певица Долгунча. Она и семь ее помощников, тоже хорошие хомусчиты, собираются показать свое умение на празднике Новой весны. По просьбе Силиса любезная гостья согласилась передать его другу особые навыки и секреты хомусной игры.

– Научит всему, что умеет сама, если обнаружит, что ты даровит!

– Чем расплатимся за учение? – забеспокоился Манихай.

– Ничего не будет стоить, – махнул рукой Силис. Не стал говорить, что посулил певице яловую кобылу.

Уши Дьоллоха порозовели.

– Я плохо играю? – спросил тихо.

Силис взглянул внимательно:

– Очень хорошо. Но если наберешься опыта у Долгунчи, будешь играть еще лучше.

– А вдруг мне не понравится ее умение?

– Ты просто не слышал, иначе бы не сомневался, – улыбнулась Эдэринка. – Девушка поет и играет так, что у слушающих ее сердце готово выскочить!

Дьоллох нагнул лобастую голову:

– Может, неправильно думаю, но мне кажется, что для певца важнее собственный опыт, а не указки наставницы, пусть даже и знаменитой... Я благодарен тебе, Силис, но мне не нужны уроки Долгунчи.

– Значит, отказываешься?

– Да.

Не выдержав пытливого взгляда старейшины, Дьоллох отвел глаза. Силис огорченно вздохнул:

– Что ж, из такого «да», видимо, не выгонишь дегтя.

Лахсу и Манихая одновременно посетилостило желание дать дерзкому отпрыску затрещину. Стыдно было перед старейшиной, впустую хлопотал за их сына. А сказать в оправдание нечего – упрям и своеволен мальчишка... Ох, думы, думы! У отца с матерью – о детях, у детей – о горных высотах! Родители давно убедились в том, что сын отмечен джогуром. Тайком друг от друга вздыхали-печалились о неведомой доле, ждущей их младшего.

Дьоллох сам научился оживлять голоса, спрятанные в хомусе. Певучая вещица в его чутких губах и пальцах чище горного эха отражала звуки Великого леса. А еще Дьоллоху хотелось подчинить себе песенные смыслы и склад многорядных слов с низкими украшениями. Это умение, если развить его до мастерства, равно по силе молитвам жрецов и камланию шаманов. Дева разящего клинка и слова, сама богиня сражений Элбиса покровительствует певцам.

Три года назад слепая знахарка Эмчита посоветовала, чтобы Дьоллох не слишком часто пел, а то сорвет голосовые жилы. Голос у него тогда линиял, как у всех мальчишек в возрасте перехода от отрочества к взрослости, из звонкого, ломкого превращался в сильный глас чело-

века-мужчины, – так веселое журчание весеннего ручья сменяется мощным многозвучьем, когда ручей впадает в полноводную реку.

Дьоллоха ждала впереди шестнадцатая весна. Он полагал, что линька голоса давно уже кончилась, но Манихай, все еще опасаясь, сам вызвался запевать в осухае с духами. Желая угодить соседу, стал нахваливать в запевке его летник.

– Гляди, урасы засверкали там, где коровы, как волны, мирно пасутся в теченьях вышитых солнцем аласов, молодорогие тели пробуют лбы на бодливость, а кобылиц мягкогивых не сосчитаешь за месяц!

– Не сосчитаешь за месяц! – слаженно повторил хоровод.

– Там девять вязок имеет ремень – хранитель-хозяин, долгие руки раскинул, поймал жеребят оброто!⁴ Там осухай пляшут владельцы проворных пяток – будто трясет поплавами наполненный рыбой невод!

Поплясали, попели, растрясли сытую тяжесть в телах. Но вот залиvisto защebetала какая-то птица в лесу, и пернатой певунье начал вторить поющий-говорящий хомус. Очарованное эхо подхватило напев. Прибавляло томный шепот-отголосок к каждому звуку, жалея расстаться – любо-дорого слушать! Даже распутная звезда Чолбона, ценительница услад-развлечений, прежде времени выглянула, насторожила сверкающее ухо.

Одну лишь Эдэринку не развлекли кудрявые рулады. Пока песни, мешаясь с дымком костра, плыли над озером, она с беспокойством наблюдала за младшей дочерью. Айана не спускала с паренька восторженных глаз.

Убрав хомус в каповую укладку, Дьоллох сказал:

– Научиться петь-играть не так уж и трудно. Вот олонхо сложить – это не всякому под силу.

– А ты можешь? – пискнула Айана, и в блестящих глазенках ее отразилось по напыжившемуся Дьоллоху.

Паренек задорно тряхнул волосами:

– Захочу – и сложу!

– Смотри пуп в стараниях не порви, – засмеялась Илинэ.

– О чем твое олонхо будет? – пристала Айана.

Дьоллох недолго думал:

– Ну, хотя бы об Идущем впереди – духе-хранителе счастливого человека!

Никто, кроме Лахсы, не заметил, как сильно вздрогнул Атын. Мальчик поймал ее тревожный взгляд, наклонил голову и в замешательстве принялся чертить прутиком по земле.

– Об Идущем впереди?! – обрадовалась Илинэ. – А как справишься с украшениями слов? Где столько их наберешь для большого сказания?

– Скоро нарядные слова будут выплетаться в моей голове так же легко, как узоры, выбегающие из-под рук Атына, – кивнул на братишку Дьоллох.

⁴ Обрót – узда-привязь к длинному общему ремню для жеребят.

Домм второго вечера. Крылатая кобылица

Атын еще двухвёсным мальцом обнаружил, что на земле можно нацарапывать прutom красивые линии и штрихи. Позже понравилось выписывать их жженым углем на простых рабочих ведрах, шитых из бересты.

В начале весны, когда искали в горах Вбирающий запахи камень, Илинэ обнаружила мягкие комья охры-кروавика и хорошенько их растерла. Получилась густая темно-красная краска. Атын окаймил стены юрты приемных родителей ярким узором – люди мимо не проходили без любованья. Уважая наследную хватку, Манихай с Лахсой втихомолку удивлялись, какая у приемыша верная рука и отзывчивый на красоту глаз. Что касается Дьоллоха, то он был равнодушен к этой забаве брата.

Вскоре рисунки перешли на камень. Обмакнул Атын в краску размахренную лучинку, и она словно сама собой побежала по гладкой поверхности. Оказалось, на ее кончике скрывался целый мир! Атын рисовал все, на что натыкался взгляд – смородиновый лист в паутине прожилок, веснушчатую сардану, верхушку Каменного Пальца и даже восход, сквозящий в ершистых ветвях сосны.

Радостный летучий дух, незнакомый доселе, занимался в груди, дыхание становилось одновременно легким и тесным. Потом пришло утро, потрясшее мальчика до изумленной дрожи в пальцах: ему удалось зарисовать сон!

Атыну часто снилось странное, небывалое в жизни. Одни сны бесследно исчезали, разбившись утром о первый солнечный луч, другие запоминались до мелочей. В первую ночь переезда на летник воздушная душа странствовала в неведомом краю и оставила в памяти величественное видение – призрачного лося на холме, с устремленными вперед прямыми рогами. Этот сон Атын запечатлел на большом сером валуне. Лось получился как настоящий и вместе с тем волшебный. Где еще, кроме сна, увидишь такого лесного быка, с рогами мощными и острыми, будто мечи?

Захотелось показать сказочное существо сестренке и брату. Вопреки ожидаемой похвале, тот хмуро прищурился и ничего не сказал о возросшей сноровке Атына. А пуще всего задело то, что Дьоллох почему-то не поверил сну. Пристал с расспросами, в каком месте встретился пряморогий зверь, действительно ли он был таким свирепым и кто разрешил Атыну носиться одному по тайге?!

Мальчик постарался скрыть больно ранившую обиду. Дьоллох в последнее время отдалился от младших и постоянно думал о чем-то своем. А тут в кои-то веки снизошел с высот да и попрекнул:

– Рисуи-ка ты лучше по-прежнему какие-нибудь узоры с цветочками. Людей и животных нельзя изображать.

Атын возразил:

– Но ведь есть деревянные звери и птицы, которыми мы играем.

– То игрушки, – отмахнулся брат. – Их можно стругать стадами и стаями, потому что во многое множество душу не вложишь. А ты сотворил известное тебе существо с отдельной душой, которой теперь легко навредить.

– Как же тогда обереги рода, вырезанные из дерева и кости, охотничьи и другие идолы?

– Кто посмеет тронуть родовой оберег или божество? Грозные предки и боги, только обидь их, прихлопнут как муху!

– На священном Камне Предков охрой начертаны олени и лоси, – угрюмо сказал Атын. – А рядом люди стреляют из луков и плавают в лодке. Еще там нарисован шаман с бубном в руках и поводьями за спиной, летящий то вверх, то вниз. Говорят, этот шаман и сделал рисунки. Значит, ему не запрещали изображать все, что он хотел.

Дьоллох рассердился, вытянул шею из сторбленных плеч:

– Такое живописание дозволено только тем, у кого есть волшебный джогур! Если кто-нибудь увидит, чем ты занимаешься, и расскажет другим, взрослые подумают, что ты хочешь причинить вред существам, имеющим души. Тогда попадет и матушке с отцом. Скажут, вырастили пакостного колдуна!

Заступница Илинэ возмутилась:

– Атын не пакостный и не колдун!

– Людям будет трудно доказать, – покачал головой Дьоллох и велел отчистить лося с камня.

Рисунок был свежий, но успел втравиться в шершавую каменную плоть. Помогая Атыну стирать волшебный сон мокрым мхом и травой, Илинэ заявила:

– Я знаю: твой джогур ничуть не меньше, чем у летающего шамана на священном камне. Дьоллох сказал, что злые колдуны отнимают душу, рисуя того, кому хотят отомстить. Но ты делаешь что-то совсем другое, и это другое не всем понятно.

Чувствуя себя виноватым, Атын опустил голову:

– Ты правильно думаешь, я ни у кого ничего не собираюсь отнимать. А все же Дьоллох прав, на виду рисовать опасно. Я могу подвести матушку.

* * *

Перед сном Илинэ долго размышляла о пряморогом лосе. Рисунок показался ей очень красивым, но, если честно, вначале обрадовал, а после, когда пригляделась, испугал. Зверь походил на лютого Быка Мороза. Может, воздушная душа Атына, кружась над Мерзлым морем, усмотрела мужа Зимы в его ледяном стойле?

А ночью девочку позвала во сне Скала Удаганки. Должно быть, волшебное видение брата раззадорило к полету воздушную душу Илинэ. Матушка говорила, что у скалы сердитое лицо, а девочке оно почудилось добрым. Оно манило и улыбалось.

Утром Илинэ посмотрела в сторону Каменного Пальца, за которым скрывалась скала, и теплая волнующая дрожь окатила от затылка до пяток, так сильно захотелось побывать в горах жрецов. Илинэ, конечно, было известно, что носящим платя ходить туда воспрещено, но безмолвный зов тянул к себе невидимым арканом. Противиться ему она не могла и после завтрака, отпросившись играть к соседям, потихоньку сбежала в горы.

Вблизи лицо скалы оказалось огромным и древним, как обглоданные волнами утесы Большой Реки. Несметные весны покоились в глубоких трещинах щек, высокое чело иссекли ветра. Хмурые глаза под сдвинутыми к переносью бровями пристально смотрели вдаль, на восток, горбатый нос нависал над сурово сомкнутым ртом... И все-таки она улыбалась. Вот странно!

Но еще больше удивилась девочка, обнаружив в подножии скалы, под косо вырубленным подбородком Удаганки, потаенную пещеру. Вход в нее прикрывали колючие кусты, сосна и мшистый валун. Кто-то ровно стесал в пещере стены. Они были шероховатыми и приятно прохладными на ощупь, а пол гладкий, как в юрте. Да и вся пещера напоминала жильё, пусть даже без камелька и окошек.

Время целой варки мяса просидела Илинэ в округлом левом углу просто так, бездумно перебирая белые прядки найденных здесь конских волос. А потом нечаянно уснула и увидела во сне крылатую Иллэ, предводительницу небесного табуна. Плотный сбитый лебяжий пух прилегал к сгибам литых крыл кобылицы. Понизу длинные маховые перья ниспадали упругими волнами. В иссиня-черных глазах ярко мерцали созвездия. Иллэ нагнула к девочке красивую голову, излучая тихую нежность, и заржала звонко, с печальными переливами. Будто запела или, скорее, заплакала...

Звон внезапно стал громче и навязчивее, приблизился к уху. Кобылица начала таять и пропала, сметя белоснежным хвостом остатки сна. Проснувшись, Илинэ наяву почувствовала возле себя чье-то присутствие. Прядь тонких волос, пахнущих можжевелевым дымокурором, щекотно мазнула по лбу.

Она открыла глаза и несколько не испугалась, хотя было от чего. На правой щеке склонившегося к ней старика в белой дохе с колокольцами змеился уродливый шрам. Девочка опознала в этом человеке главного жреца, устроителя весенних праздников.

– Да будут благословенны дни твои, Илинэ, – поприветствовал он.

Старик не справился о новостях, как положено, поэтому она сразу спросила:

– Как ты выведаль мое имя?

– Я – жрец, а жрецам многое допущено знать, – сказал старик, выпрямляясь. – А знаешь ли ты о том, что девочкам нельзя ходить на гору жрецов?

– Знаю. Но не знаю почему... Так почему же?

– Потому что это не нравится Белому Творцу.

Илинэ снова хотела спросить почему, но раздумала. Жрец постоял с отрешенным лицом и пошел к выходу. Обернувшись напоследок, кинул прерывисто, будто несколько раз кашлянул:

– Ладно, птаха. Я позволяю тебе приходить в пещеру. Только... никого не води сюда.

Гордость распирает Илинэ: не одному Атыну снятся волшебные сны! Не вытерпела, рассказала ему о крылатой кобылице Иллэ. Не обмолвилась лишь, где видела сон. Затем рассудила: жрец велел никого не водить в пещеру, но о том, чтобы никому не говорить о ней, не упоминал. Значит, можно брату сказать. Взяв, разумеется, слово крепко держать язык за зубами.

– Чтоб у меня чирей вскочил на седалище, – поклялся Атын. – Смотри сама Дьоллоху не проболтайся.

– Ну, не совсем я глупая, – обиделась Илинэ. – Дьоллох, чего доброго, не позволит мне в пещере бывать. Он ведь считает себя взрослым и много чего теперь запрещает.

Пригнав коров с пастбища на вечернюю дойку, дети застали во дворе старого жреца. Он о чем-то беседовал с матушкой. Илинэ струсилась: явился пожаловаться, что она была в заповедных горах!

Смешно суетясь и кланяясь, матушка пригласила редкого гостя в дом, усадила на почетное место. Старик объявил, что Илинэ и Атын отобраны для пляски на празднестве Новой весны, выпил чашку молока и ушел. Лахса назвала его имя – Сандал. Лучезарный.

С тех пор девочка ни разу не смогла вырваться к Скале Удаганки. На летнике с утра было полно работы, а вечерами приходилось бегать с братом на праздничный алас Тусулгэ, где жрецы учили ребят движениям и знакам священного танца.

Как-то раз, помогая Атыну разливать молоко в чаши для сбора сливок, Илинэ размечталась:

– Вот бы воочию узреть волшебную кобылицу. А еще – покататься бы на ней!

Брат отозвался весело:

– За чем же дело стало? Вели ей в явь из сна прилететь, она же чародейка. Вместе покажемся!

На этом разговор кончился. Что впустую воздух словами трясти? Но у Илинэ появилась дерзкая мечта, крепнущая с каждым днем. Она решила раздобыть нужные краски. Тогда на стене потаенной пещеры брат нарисует сказочную кобылицу, парящую над зелеными травами на лебяжьих крылах. Дьоллох сказал, что божество не возбраняется изображать. Наверное, и крылатую Иллэ можно, она ведь тоже почти божество – бессмертная, как волшебницы удаганки, ставшие в небе облаками и звездами... А Атына и уговаривать не надо нарисовать Иллэ. Сам согласится, стоит ему лишь увидеть краски и гладкую стену.

Какая сторона больше понравится кобылице – левая или правая? Левая более гладкая, но ближе к выходу в ней щербинка. А на правой бугорки и вмятины. Небольшие, но могут помешать рисунку. Нет, все-таки лучше рисунок будет смотреться на левой женской половине. К тому же восходящий свет из-за валуна на нее падает. Ну а щербинку Атын замажет глиной.

Если же вдруг главный жрец опять когда-нибудь посетит пещеру, он не успеет разозлиться. Разве сумеет устоять перед красотой? Неужели тоже подумает о колдовских помыслах Атына и не сможет простить Илинэ?

Нет, Сандал-Лучезарный поймет и простит. Он ведь не Дьоллох, беспрестанно напоминающий о своей взрослости только потому, что еще не сделался по-настоящему взрослым.

* * *

Выпал первый невзрачный дождик – меленький, скучный, будто осенний. Только пыль прибил, а с духотой повоевать не смог и к росам землю не вызвал. А в ночь ударила сухая гроза. Молнии со страшным грохотом раскалывали нижнее пешее небо, словно вознамерились разнести его в куски. Люди ждали дождя, но небесная твердь выдюжила и ни слезинки не проронила. Утром тугие тучи, обманно сулившие дождь, исчезли. Солнце едва продралось сквозь дрожащее марево зноя. Старики говорили, что порожняя гроза – вестница засухи и неурожая трав. Значит, и голода...

Одуванчики на сухостое распустились хилые, ни капли горького молочка в стеблях. Поздно выпростались среди бледной муравы щавель и душистые стрелки лука. Однако огненно-веснушчатые цветы сарданы высыпали на влажном озерном лугу неожиданно густо, точно берег Травянистого занялся язычками пламени.

Кузнец Тимир отправил ребятам вилки-копорульки с незаточенными остриями, удобные для добычи кореньев. Илинэ приноровилась быстрее мальчишек выкапывать ловкими мотыжками луковицы сардан. Жалела цветы, но что поделаешь, если без их корешков людям трудно зимой продержаться.

Все растения жалко. В Месяце, ломающем льды, жалко было срывать кору со стволов сосен. Тут больше мальчишки старались, срезая наостренными крюковатыми ножами сначала верхний слой коры, затем ленты нежной заболони. Будешь осторожным – не погибнут деревья, выправятся постепенно. Забродят в них целебные соки, натечет на оголенную плоть горячая смола-живица, и раны затянутся клейкой пеленой. А нет – так станут сосны дровами.

У каждого весенне-летнего дня свои гостинцы, свои съедобные травы, коренья и ягоды. Вываренные и высушенные стружки заболони и луковки цветов Лахса толкла в ступе. Растирала в мучицу и сыпала про запас в кожаные мешки. Порубленные листья пряных трав замешивала в молоко, с которого сняли сливки. К осени оно заполнит ведра и превратится в тар – заправку для похлёбок. От лука и черемши вкус тара станет острым, от семян белой полыни – терпким. За лето в него добавятся остатки простокваши и суората, мягкие рыбы кости и вареные мясные хрящи.

Вкусна к Месяцу опадания листы настоянная, студенистая снедь. Чтобы тар, вспухнув от мороза, не разорвал ведра, его переливают в мелкую посуду, а потом складывают выпростанные заготовки в лабаз. В голодное время нет выручки надежнее каши с заболоневой мучицей на таре. А пока полно молочной пищи. Лахса с Илинэ четыре раза в день доят сытых коров. Манихай с мальчишками привязывают жеребят-сосунков к длинному ремню обротами с узлами-туомтуу и доят кобыл. Это дело исконно мужское. Вот застать человека-мужчину с ведром у коровьего бока – все равно что узреть его в женском платье. Вусмерть засмеют.

Лахса сшила симир – большой кумысный бурдюк. Кожу для него взяла невымятую, пропитала в разогретом котле нутряным кобыльим жиром и дочерна прокоптила в дыму. Глазу было приятно смотреть на посудину, украшенную латунными серьгами и белыми прядками.

В смир уместилось семь ведер кобыльего молока. Крепкий напиток дойдет как раз к празднику вершины года. Манихай поместил смир на лавке, закинул на крюк в матице бурдючные подвязки-ремни. Лахса развела на пахте закваску с конским сухожилием – прошлогодний кумысный осадок. Сухую закваску женщины саха берегут не меньше родового огня. Из года в год должна в ней сохраняться на счастье рода частица кумыса предков. Осталось хорошенько взболтать молоко кумысной мутовкой – полым дырчатым рожком на палке, закрепленной вглухую в горловине смира. Кто бы ни проходил мимо, станут помешивать жидкость. О том даже присловье есть: «Женщина ласку любит, отрок остратку любит, доха – чтоб ее починяли, кумыс – чтоб его взболтали».

Лахса крутила между ладонями длинную ручку мутовки и шептала благословение над кумысным начатком. Старалась, как подобает при этом, притягивать к себе радость, но сердце у нее не было легким: дочь вплела в косы ремешки с яркими бусами, собралась куда-то. «К Уране наострилась», – подсказывало наитие.

Кого корить? Раньше, случалось, сама посылала девочку к скучающей без детей кузничихе. После увидела, как Илинэ с увлечением шьет-вышивает под приглядом Урана, и словно не в ровдугу дочка иглу воткнула, а в сердце Лахсы.

Ну вот, так и есть:

– Можно я к тетушке Уране пойду?

– Зачем?

– Она мне новое платье обещала к празднику сшить.

– Иди, – пожала плечом Лахса. А в груди так и зажглось, так и запольхало! Она ли не наряжает это дитя, как не одевала собственных дочерей? Выгадывая на всем, мастерит, как умеет, Илинэ новые платьица. Моет ее кудрявые волосы с тонкой березовой золой, полощет в отваре крапивы, чтобы лучше росли и сильнее блестели. Наменяла на прошлых торгах ярких бусин и подвесок для кос. Лишь исполнилось девочке пять весен, проколола ей мочки ушей, собственные серебряные колечки-сережки продернула. Кто, встретив Илинэ, скажет, что Лахса дурно присматривает за ребенком? Никто не скажет! Лахса любит девочку наравне с родными детьми. Может, и больше... Она и думать забыла, что когда-то считала себя плохой матерью. Тайные эти мысли, как молодая беспечность и тяга к пустым разговорам, остались в прошедших веснах. Вместо них пришли вечные спутники матери – сладкая гордость и жгучий страх за детей.

Девочка подняла глаза. В них, темно-карих и прозрачных, как ягоды просвеченной солнцем черной смородины, лучились звезды:

– Платье, наверное, очень красивое. Тетушка Урана ловкая мастерица!

Резко дернув мутовку, Лахса едва не сорвала кольцо березовой втулки...

Ох, не зря коварная Урана приваживает Илинэ! Мало Атына забрать, еще и на дочку завидуший глаз положила!

– Долго не будь, – сказала спокойно.

* * *

Урана завязала последний узелок прошивки и расправила на лежанке готовый наряд для Илинэ. Платье из белой ровдуги было отделано пушистым мехом с брюха рыси. Узорчатые вставки из золотистой кожи на груди и спинке Урана украсила крохотными медными бубенцами. Наденет Илинэ обнову на праздник – любая женщина остановится глянуть на маленькую красавицу. Березки и те зашелестят от восторга юной клейкой листвой!

В каменной воде окна мелькнули косички с красными бусинами. Вот и девочка пришла.

– Есть новости? – спросила хозяйка, приглашая в дом.

Илинэ похвасталась, что главный жрец Сандал выбрал ее с Атыном танцевать на празднике.

Урана и порадовалась, и напугалась. Семь весен назад, спрятавшись за деревом на празднике, она осмелилась полюбоваться мальчиком, а вскоре после того умер неизменно разжиревший пес Радость-Мичил. Говорят, еще долго пожил приневоленной человеческой жизнью. Урана сильно скорбела по горемычной собаке. Тимир даже рассердился:

– Худое ворожишь, глупая женщина?!

И она сразу замолчала. А в прошлом году, ненароком узрев идущего рядом с Дьоллохом стройного мальчика, еле сообразила – сын! Глаза закрыла от ужаса: не прознают ли злобные духи до назначенных пор о ее с ним ближайшем родстве? Однако успела разглядеть, что Атын статью вышел и лицом пригож. Может, нынче уже дозволено матери влечь насмотреться на своего птенца, о котором изболелось сердце? Ведь иначе Сандал бы поостерегся открыто в танце его выставлять.

Последние месяцы ожидания самые тяжкие. Но все на свете проходит, пройдут и они. Наступит лучшая осень в жизни Ураны: сын вернется в родную семью. Само счастье, словно огромное, ни с чем не сравнимое солнце, поселится в доме!

Илинэ подбежала к лежанке, всплеснула в восхищении руками:

– Ой, тетушка Урана, какое платье красивое! Спасибо тебе!

Живо сорвала с себя короткое повседневное платьишко. Мягко вымятая ровдуга обтекла ладную фигурку.

– Да, кажется, неплохо получилось, – согласилась довольная швея, придирчиво обдергивая и приглаживая вышивку. – Твоя матушка, наверное, будет рада. Ведь для священного танца как раз белое платье нужно.

Илинэ прошлась ладонью по золотистой вставке:

– Что придало коже такой цвет?

– Отвар желтого мха и дым сосновых поленьев.

Красители Ураны славились в долине стойкостью и густотой цвета. Тонко смолотые с коровьими сухожилиями, рыбьим клеем и еще чем-то, одной ей ведомым, они хранились на полке в закрытых тесках. Здесь были собраны краски разных веществ и цветов – от белого мела до жгуче-черной смолы, выгнанной из болезненного нароста, что появляется на репицах старых лошадей. Яркие смеси всухую втирались в продыmlенную ровдугу или кожу. После этого Урана какое-то время снова держала полотно в дыму, и цвет получался ровный, сочный, с легким бронзовым отливом. Поэтому люди называли красители жены кузнеца «калеными».

– Узоры на платье станут оберегать меня от дурных глаз? – спросила Илинэ.

– Не только, – отозвалась мастерица, потчуж маленькую гостью мороженными в леднике молочными пенками. – Узоры-знаки хорошее о человеке рассказывают. Строчка «лесенка» говорит о его росте в разных умениях, «небо» – о любви к красоте, «ураса» – о привязанности к дому... Люди по этим меткам поймут, что девочка ты домовитая и работающая.

– А у цветов тоже свой смысл?

– Конечно. Золотистый – цвет яруса неба, где живет Дэсегей. Синий – небесная высота и речная глубина, то есть мудрость. Серый означает цвет почвы Срединной земли. Красный – цвет имеющих кровь. Черный... – Урана вздохнула, – цвет тайн и ночи.

– А белый?

Хозяйка улыбнулась любознательной девочке:

– Это самый чистый, священный цвет. О нем есть песня:

Никогда не пресытится белым ликующим цветом
северянин пытливый, чье зренье, как лезвие, остро.
В белом цвете он видит четыре двадцатки оттенков,

тонких, словно душистые запахи праздничных ветров.
Это бело-молочная щедрость любимой коровы,
лоск суората изжелта-белый и кёрчэха кипень,
перламутрово-белая стружка мороженой рыбы,
бело-розовый лакомый жир из костей жеребьячих...
Это весть белопенная Новой весны плодородной,
блеск прохладный зубов в осуохая солнечном круге,
жажду почв утолившие бело-прозрачные росы
и осенняя дымка в тенетах седой паутины...
Это снега лебязьего пуха и белесое утро,
тени легкие, светлые – жители спящих сугробов,
ледяные утесы реки от зари до заката —
нарумяненные, с позолотой, свинцовой подводкой...
Это дева Луна, грустный лик ее нежно-лилейный,
бело-искристых звезд равнодушные, стылые очи,
сок кумысный небес, источаемый Северной Чашей,
предрасветные светцы – серебряно-белые в синем...
Это цвет самый чистый и гордый, он знает победу:
в ослепительно-белых сполохах разбуженных молний,
покоряясь ему, высветляются, блекнут и вянут
все цвета остальные, послушные воле безгрешной.
Он бесхитростен и непорочен, как малые дети,
он – негаснущий огонь в бескорыстных и любящих душах,
он – рождения цвет и ухода по вечному Кругу...
Это цвет Дэсегея и в небо летящих поводов!

– Тетушка Урана, можно я возьму у тебя малость белой краски? – отважилась Илинэ. –
Еще голубой... и травяной немножко... чуток ольховой темно-коричневой, охры желтой и
красной... хорошо бы и черной краски комочек...

Ни о чем не спрашивая, мастерица достала с полки несколько туесков. Открыла плотные
крышки:

– Краски в узелки насыплю, а белую скудель так в посудке и забирай. Такой глины полно
за горами, наши кузнецы туда часто наведываются.

* * *

Слыша в груди переливчатый звон колокольчиков радости, Илинэ спешила домой. Она
несла сверток с платьем, а краски оставила в секретной пещере. Песок и камешки весело текли
под ногами, бегущими вниз по горной тропе. Рядом, топоча и шурша, несло невидимое эхо.
Подножие холма обнимали розовые от распустившихся бутонов заросли шиповника – будто
кто-то набросал хлопья кёрчэха, взбитого с брусникой. Из соседнего леса несся аромат моло-
дой лиственницы, сплетаясь с вкусно курящимся дымком чьего-то летника. День благоухал и
светился, рыжее солнце подпрыгивало в глазах, как поджаристый колобок из карасевой икры
в масляной мисе. Тропа спускалась за излучину озера Травянистого к узкому прибрежному
лугу. Уже показался его краешек, пестревший вперемешку лаковыми чашечками желтушек и
ярко-голубыми каплями незабудок.

Выбежав из-за кустов, Илинэ остановилась. Ахнула тихонько: братья! Вот уж кого не
ожидала здесь увидеть. Однако вовсе не встретить ее они подоспели. Стояли на берегу
спина к спине, встрепанные, настоженные. Стиснув кулаки, Дьоллох поднял подбородок и,

насколько мог, расправил плечи. Атын сжимал в руках черень топорика для рубки тальника. Рядом у воды воинственно прохаживались двое незнакомых больших мальчишек. Один, на вид ровесник Дьоллоха, был худой и высокий. Брови ломаные углами, в глазах студеный блеск, капризные губы изогнуты лучной кибитью. Второй парнишка чуть помладше, рдянощекий, бугристо-округлый, как колбаса, туго налитая кровью и молоком... Илинэ юркнула обратно в шиповник, пока ее не заметили.

Ох, беда! Братья, видно, нечаянно вторглись в чужие владения и успели наготовить вязанки красного тальника. Нежные тальниковые побеги с узкими стрелчатými листьями еще не успели отвердеть. Такие и после просушки не потеряют запаха свежего весеннего ветра. Коровы охотно едят зимой этот корм вместе с сеном. На вечерней дойке, бывает, в коровнике треск-хруст стоит, точно свора собак кости грызет... Да о том ли поминать теперь! Похоже, местные ребята сочли грабежом хозяйственный порыв мальчишек. Жалко им, что ли? Вон сколько тут краснотала – аж в озеро лезут кусты!

Наверное, большие парни давно бы кинулись в драку, но, опасаясь топорика Атына, ходили вокруг. Высокий задира Дьоллоха:

– Зачем ты привел сюда кузнецово чадо, горбун?

– Мы думали, берег общий, – сдержанно ответил Дьоллох.

– Ага, смотри-ка на этих недоносков, Топпóт, думали они! Не слышали, не видели, что место чужое!

– Оставьте нас в покое, и мы уйдем.

Пузан проговорил неожиданно тонким голосом:

– Пусть убираются, Кинтэй, ну их! Вязанки заберем, и ладно.

Названный Кинтеем обидчиво дернулся:

– Наше рубят, нам же топором угрожают... Эй, ты! – окликнул Атына. – Кто тебе топор сдал? Отец-кузнец или лентяй Манихай?

Забывшись, Илинэ высунула голову из шиповника. Толстый Топпот обернулся:

– Гляди, сестра ихняя приперлась!

Прятаться больше не имело смысла. Девочка вышла из-за кустов. Кинтей двинулся встречь и, покачивая головой, дурашливо всплеснул руками:

– Ах, сиротка несчастенькая, тонготский подкидыш! Кого явилась спасать?

«О какой сиротке он говорит? Что такое „подкидыш“?» – подумала Илинэ и на всякий случай наклонилась за камнем. Пока нагибалась, Кинтей подскочил и выдернул из ее рук сверток с праздничной одеждой. Белый наряд, блеснув золотистыми вставками, вывалился в траву. Парень присвистнул:

– Фью-ю, подкажи, где украла?! Много там еще такого осталось?

Поднял ногу, собираясь наступить на платье... Вряд ли наступил бы. Просто хотел посмеяться над Илинэ. Она бы выдержала, нашла что ответить. Дома, споря с мальчишками, язычок наострила не хуже своего маленького батаса. Но рот открылся и тут же захлопнулся – стало не до слов: Атын отшвырнул топорик к вязанке и кинулся на обидчика!

Кинтей небрежно вымахнул вперед длинную руку. Илинэ пронзительно вскрикнула – брат с разбегу ткнулся в мосластый кулак! Вместе с глухим звуком удара послышался смачный хруст. Красная струя, выстрелившая из носа мальчика, залила его рубаху сверху донизу. Хлынула на рукав Кинтея, брызнула на рванувшегося Дьоллоха, на бело-золотое платье под ногами... В воздухе повеяло запахом железа. Сок жизни почему-то всегда отдает железом.

Бесшабашная удаль вдруг охватила Илинэ. Тело сделалось упругим и зазвенело натянутой тетивой. Так вот что чувствуют мальчишки, когда им приходится драться! Девочка с неистовым воплем ринулась в ворох бешено мелькающих рук и ног, в шум вдохов и выдохов, ударов, сопения и хрипа. Но Дьоллох не дал пустить в ход ногти и зубы, на остроту которых самонадеянно рассчитывала Илинэ. Сгреб за шиворот и, как кутенка, выбросил из кучи-малы.

Краем глаза девочка успела заметить злобно ощеренное лицо и побелевшие костяшки пальцев – кулак, разбивающий переносья, нацелился в горб старшего брата.

И тут произошло такое, чего никто не ожидал. Алым сполохом Атын взметнулся вверх и выкинул ладони перед лицом Кинтея. Тот с рычаньем устремился к нему, забыв о Дьоллохе, и словно в невидимую стену впечатался! Правая щека сплющилась и поползла вниз со смешно задранным углом рта. Ошарашенный, парень отшатнулся назад. Покачался с глупым видом, кося бессмысленными глазищами, и как подрубленный плашмя сверзился на землю. Вслед за тем на берег пала недоуменная тишина.

Первым опомнился Топпот. Дрожащей рукой коснулся багровой щеки товарища, потрепал ее и слегка ущипнул. Кинтей не шевельнулся. Подломившись в коленях, толстяк приблизил ухо к недвижной груди друга. Поднялся, и мясистые губы затряслись. Узкие глазки в ужасе выгнулись на Атына:

– Убил... Ты его убил!

Дьоллох, не веря, лизнул грязную ладонь, поднес ее к полуоткрытым губам Кинтея. Обвел всех испуганным взором:

– Не дышит.

– Колдун! – пятясь и показывая пальцем на взъерошенного Атына, взвизгнул Топпот. – Изыди, колдун, прочь, прочь от меня!

– погоди, давай разберемся, – попробовал образумить ополоумевшего толстяка Дьоллох, схватил за руку, пытаясь удержать. Но тот заорал дурным голосом, вырвался и пустился наутек. Только незагорелые ляжки засверкали сквозь порванные штаны.

У Илинэ кровоточил локоть. Кожа на руке ободралась, когда она, вылетев из свалки, проехала спиной по земле. Не смея заплакать, взглянула на братьев из-под руки. Веки Атына вспухли и зардели, переносица с носом вздулись бесформенной блямбой. Дьоллоху, видимо, крепко досталось и без последнего удара Кинтея. Горб выпер кверху, спина согнулась, как у смертельно уставшего старика. Мотнув подбородком в сторону поверженного, спросил:

– Что ты с ним сделал, Атын?

– Н-не знаю, – заикаясь, ответил мальчик.

– Но я же видел: ты выставил ладони вот так – и он упал, – настаивал Дьоллох.

– Я... правда, не знаю.

– Попробуй повторить еще раз. Вдруг он тогда встанет?

Атын послушно помахал перед Кинтеем ладонями. Дьоллох склонился над безжизненным телом:

– Эй, вставай, вставай!

Даже облачко тени не скользнуло по непробудному лицу.

На Дьоллоха, кажется, только что по-настоящему обрушилась страшная правда. Зажав рот руками, закричал приглушенно:

– Ты... человека убил!

Атын отпрянул, прикрываясь вздернутым локтем, будто тяжкие слова хлестнули, как плеть. Из разбитого носа к губам снова поползли красные полосы. Илинэ переводила взгляд от одного брата к другому. В душе, нещадно садня, лопались жгучие волдыри-вопросы. Что теперь будет? Что сделают с Атыном? Как им всем теперь жить?

И вдруг в бешено скачущие мысли вникла смутная догадка...

– Это не он! – воскликнула Илинэ сорвавшимся голосом.

Дрогнув, Дьоллох повернул к сестренке втянутую в плечи голову. Лицо Атына, без того изуродованное, исказилось страхом:

– Не я?.. Тогда кто же?

– Твой двойник! Он есть у тебя, такой же, как у дедушки Торуласса!

– Значит, ты все знаешь? Я же никому... Кто сказал?

Отрешенные глаза Дьоллоха округлились:

– Что-о? У тебя есть близнец-хранитель? Идущий впереди?!

Атын не успел ответить. На тропе, ведущей из лесу, показался всадник.

Конь был странного цвета – солнечно-рыжий, с белым пятном на лбу, а человек седой, но не очень старый. На правой щеке его белел шрам-зигзаг. «Молниеносный», – сообразила Илинэ. Она знала, что суровые ботуры живут в заставе, куда невоенные люди раз-два зимой собираются на общий сход в Двенадцатистолбовой юрте, а в другое время без нужды не ходят.

– Багалык, – прошептал Атын, отступая к зарослям тальника.

* * *

Хорсун быстро оценил обстановку. Задержал взгляд на топорике, проваленном обухом в вязанку. Спешился, коротко кивнул на испуганное приветствие мальчишек и не спросил новостей. Что спрашивать? Любому ясно: было сражение, пролилась кровь. А главная «новость» теперь покоилась на земле и не подавала признаков жизни. Рядом на истоптанной траве валялась чья-то попорченная праздничная одежда.

– Что с ним? – кивнул багалык.

Горбатый паренек пожал плечами, не в силах молвить ни слова.

– Помер, – выдохнула из-за его плеча растрепанная девочка.

– Как это случилось?

– Я его немножко стукнул, – пробормотал горбун, опустив глаза. – А он упал и... больше не встал.

Девочка выдвинулась вперед:

– Нет, не Дьоллох ударил, а я. Ногой, – подумав, добавила она.

– Не слушай их, багалык, это я убил Кинтея, – прогундосил, вылезая из кустов тальника, мальчуган с расквашенным носом. – Не хотел, но нечаянно... убил. Так получилось... Я виноват, меня и забирай. – Он подошел к брату. Глаза сквозь щелочки опухших век сверкнули отчаянием. Мальчик не лгал.

Багалык подсел к сраженному парню, пощупал запястье. Хмыкнул и вдруг сильно хлопнул по щеке. По второй щеке большая ладонь без всякой жалости шлепнула еще сильнее. Павший зашевелился и, глубоко вздохнув, закашлялся.

– Живой ваш мертвец, – засмеялся воин.

– Живой! – звеняще отозвалась девочка.

Птицей вспорхнула к застывшему изваянием мальчонке с расшибленным носом. Затормошила, крича:

– Атын, ты не убил его! Он живой, живой!

Кинтей сел. Покачиваясь, протер чумазое лицо с пылающими от пощечин скулами. Ошалело вытаращился на багалыка.

– Доброе утро, – весело поприветствовал Хорсун.

Ничего не соображая, парень мотнул всклокоченной головой и попытался подняться.

– Э-э, а это еще что такое? – Багалык вытянул из-под него что-то странное, похожее на высушенного суслика. Озадаченно уставился на хвост, оказавшийся витым шнурком, и порванный кошель. Из него и вывалился закаменевший трупик.

– Это мое! – громко крикнул Атын и выхватил сусличьих мощи из рук багалыка. Никто и подумать ни о чем не успел, как мальчик, прижав к груди диковинную игрушку, помчался по береговому лугу.

Он несся опрометью, несмотря на то что окровавленная рубаха прилипла к телу и стесняла движения, и уже пересек излучку, когда наперерез ему из кустов вылетела гурьба вопящих

людей. Впереди бежала истошно голосившая женщина. За нею поспешал грузный парнишка, задыхаясь и вереща:

– Вот он, убийца, вот колдун, ловите его!

Круто поменяв направление, Атын повернул к горам.

Наверное, за ним бы погнались, если б не воин. Он встал на пути, и лицо его было обидно-насмешливым. Передние чуть замедлились. А тут еще поднялся «убиенный» и, прихрамывая, двинулся родичам навстречу. Женщина и толстяк застопорились на ходу и повалились наземь под напором задних.

– Чего орете? – скривился Кинтей в досаде. – Не видите, что ли, – живой я.

Он поворотился. Не глядя на багалыка, окинул девочку ненавидящим взглядом и процедил сквозь зубы:

– Тонготский подкидьш! – Погрозил кулаком Дьоллоху: – Передай кузнецову отродью – встретимся еще...

Преследователи помогли подняться толстяку и женщине. Пошумели, топчась на месте. Стоит ли вздорить с багалыком из-за пустяков? Охотники до чужого добра достаточно проучены и больше сюда не сунутся. Кинтей почти не пострадал, если не считать ушибленного колена. Гомоня и размахивая руками, ватага скрылась за излучкой.

Девочка подобрала с земли потоптанную одежду и громко всхлипнула. На белой ровдуге платья темнели следы грязных ног, от брызг крови подол окрасился пятнистой ржавью, несколько бубенцов оторвались.

Ползая по траве в поисках украшений, Дьоллох пробурчал:

– Не реви, матушка почистит.

Тронув поводья, отъезжающий багалык усмехнулся. Храбрая девочка плакала из-за платья. А ведь только что не побоялась страшную вину на себя взять. И дралась, надо думать, отважно, с мальчишками наравне. Хорош и паренек-калека с красивым именем Дьоллох – Счастливый. Да и второй, убежавший со своим сушеным зверьком... Как его – Атын, кажется? – тоже отчаянный малый. «Кузнецовым отродьем» назвал его Кинтей. Сын Тимира, судя по этим словам. Знать, уродился в роду, знаменитую наследной силой, коль удалось уложить почти взрослого парня.

Хорсун видел Дьоллоха раньше на праздниках, слышал хомусную игру юного искусника. А двое младших, выходит, приемыши Лахсы и Манихая. Ладных детей вырастили эти вроде бы несуразные люди.

Прежде чем тропа повернула в лес, багалык, сам не зная зачем, обернулся. Девочка перестала плакать. Прижимая платье к груди, она внимательно смотрела на Хорсуна. Взлохмаченные кудри темным облачком обрамляли круглое, в грязных потеках лицо. Багалыку вдруг стало жарко: это лицо ему кого-то мучительно напоминало. Кого же?.. Сколько ни силился, так и не смог вспомнить.

* * *

Илинэ пришла поздно. Молча шмыгнула за занавеску, но Лахса заметила припухшие глазенки, порванный рукав на локте, и сразу сердце зашлось. Метнулась к дочери:

– Где была так долго? У кузнецов? Кто обидел?

Девочка опустила голову, и по щекам снова покатились слезы:

– Мы подрались...

Лахса ахнула в изумлении:

– С кем? С Ураной?!

– С чего бы я стала драться с тетушкой? – поморщилась Илинэ, вытирая ладонью лицо. – Она мне платье сшила. Белое... А я его на землю уронила, когда мы с Дьоллохом и Атыном немножко подрались с мальчишками, что живут у другой излучины.

Не сумев подавить судорожного вздоха – последыша плача, девочка подала свернутое в ком платье. Лахса встряхнула, сокрушенно цокнула языком:

– Да-а, красивое какое... было. А кровь откуда на нем?

– У Атына нос разбился.

– Сильно?

– Не очень. Ну, может, маленько сильно...

Дочь прижалась к Лахсе, горячо задышала в грудь, и женщина постаралась влить в голос как можно больше бодрости:

– Ничего страшного. Почистим, подбелим платье, Урана и не заметит.

– Матушка, что значит «тонготский подкидыш»? – глухо проговорила Илинэ.

Лахса затаила дыхание, съежилась пышным телом, как гора, пожелавшая превратиться в мышь...

– Так назвал меня Кинтей из чужого летника. Матушка, спросить хочу... Вы с отцом воспитали Атына. Он – сын кузнеца. Об этом все знают. Скажи, а я? Кто – я, чья? Мне ты родная?

Вот и настало время вопроса, с боязливым трепетом ожидаемого с давних пор. Людскую память не смоешь дождями времен, злую молву плотиной не преградишь...

– Нет, – скорбно и честно ответила Лахса. – Нет, Илинэ, не я – та, что носила тебя в чреве. – Встретив беглый горестный взгляд, заторопилась: – Но разве это важно? Ведь главное, что ты любима, как кровное, родимое дитяtko. Значит, я – родная тебе.

Лицо девочки на миг прояснело и тут же вновь омрачилось:

– А кто она – моя настоящая матушка?

– Женщина из неизвестного тонготского кочевья, – обреченно вздохнула Лахса. – Видимо, умерла от тяжелых родов... Тогда как раз случилась сильная буря. Может, ты слышала – год твоего рождения называют Осенью Бури. Крупный град побил зверей и птиц в лесу, деревья валились, горы и небо тряслись. Кочевники бежали от страшных вихрей, а тут еще это несчастье – умерла бедняжка... Погребли ее, верно, где-нибудь в ущелье, – камнями завалили, песком засыпали. Не до ладных похорон в лютую пору. А тебя, новорожденную, подкинули к жрецам...

– Вот почему подкидыш, – поняла Илинэ. – Стало быть, моя матуш... та женщина умерла из-за меня?

В застарелые опасения Лахсы ринулся новый страх: девочка еще и в чьей-то смерти винить себя начала!

– Что ты, что ты, никто в этом не виноват! Так распорядился бог-случай Дилга.

– А отец? Куда делся мой настоящий отец?

– Откуда мне знать?! – вскричала Лахса в тоске, рискуя разбудить храпящего на весь дом Манихая.

Заскрипела дверь, впуская вошедшего бочком Дьоллоха. Лахса с облегчением отступила от Илинэ, заторопилась к нему и снова остановилась: лицо сына было чисто умыто, а под скулой багровел кровоподтек.

Распрямив перед матерью плечи, Дьоллох невольно скривился от боли. Лахса пересилила себя, не стала унижать взрослого парня оханьем и причитаниями. Остановилась подле, сложив на груди руки. Уверенная, что второй драчун моется во дворе, спросила, чтобы заполнить затянувшееся молчание:

– Атын где?

– Не знаю.

Лахсе показалось, будто не только она сама, а вся юрта начинена сердечными терзаниями и смятением, и тревожно выжидает чего-то.

– Разве вы были не вместе?

– Да. – Дьоллох покосился на сестренку. – Но потом он ушел.

– Уже поздно, скоро ночь!

– Мы искали...

– Придет, никуда не денется, – подал голос проснувшийся Манихай. Закряхтел, поднимаясь: – И раньше такое бывало.

...Верно, Атын пропадал и раньше. Три весны назад в Месяце белых ночей также не пришел домой. После долгих поисков, почти на рассвете, нашли спящим под сосной на горной опушке. Измученная Лахса тогда едва не задушила мальчишку в объятиях, одновременно вымещая пережитый ужас крепким тумаком:

– Ты почему ничего не сказал и ушел?! Напугал всех!

Атын смотрел виновато, но был рассеян и не мог скрыть какой-то невнятной радости, будто его разбудили посреди счастливого сна. После рассказал, что шел вверх в гору просто так, шел и шел, – казалось, тропа присыпана не старой хвоей, а стриженной шерстью золотого оленя, – и уже собрался повернуть домой, как вдруг Великий лес начал разговаривать с ним. Шелест деревьев, свист ветра и дразнящий шепот эха складывались в узоры красивых слов-звуков. Атын хорошо понимал эту странную речь и сам отвечал похоже – тихим смехом и свистом. А тропа звала в зеленую глубину вечера, выпевала шорох веселых шагов и обещала волшебство, и не обманула. На тропу выскочила лиса, оскалила пасть в улыбке и побежала сбоку – собака, и только! Атыну совсем не было страшно. Очутившись у сосны на опушке, сел на пушистую шкуру травы, погладил рыжую спутницу по спине и услышал гул мягких почв, поманивший прилечь. Лисе стало неинтересно, повертелась немного рядом и растворилась в лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.